

УДК 347.1

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗРАБОТКИ, ИЗУЧЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ В СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ УЧЕНИЯ О ТОЛКОВАНИИ АКТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье утверждается, что правотолкование в настоящее время представляет собой преимущественно нормотолкование, которое носит характер интуитивного, иррационального, ассоциативного, органолептического. Такое правотолкование не имеет исторических перспектив. А потому необходим переход к правотолкованию, которое будет осуществляться на научной основе. Но для этого необходимо создание современного учения о правотолковании. Логико-юридический фундамент такого учения создал Е. В. Васьюковский на рубеже XIX–XX веков. Однако его идеи не развивались в течение более 100 лет, а учение о правотолковании, пригодное для практического применения, не создано до настоящего времени.

Намечаются направления научных исследований с целью создания современного учения о правотолковании.

Ключевые слова: правотолкование, правопонимание, текстуально закрепленные нормы, логически закрепленные нормы, общая норма, специальная норма.

Кажется само собой разумеющимся, что толкование актов законодательства должно опираться на добротное научное основание. Однако изучение судебных решений показывает, что они готовятся преимущественно без такой опоры. При таких условиях возникает необходимость исследования проблемы, обозначенной в заголовке настоящей статьи.

Нельзя сказать, что проблемы правотолкования не исследовались в науке. К этой проблеме в разное время обращались Ф. К. Ф. Савиньи, Р. Ф. Иеринг, Е. В. Васьюковский, Н. А. Гредескул, С. И. Вильнянский, Н. А. Власенко, А. С. Пиголкин, А. Ф. Черданцев, П. Е. Недбайло, С. С. Алексеев, Т. Я. Хабриева и другие ученые. Однако пригодное для изучения в высших юридических учебных заведениях и для использования практиками правоприменения учение о толковании актов законодательства на данное время отсутствует.

Целью настоящей статьи является исследование перспектив разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства.

Выдающийся советский и постсоветский теоретик права С. С. Алексеев проблему правотолкования держал в поле своего внимания почти 30 лет, начиная от издания книги «Общая теория права» в начале 80-х годов прошлого века [1, с. 290–316]. Приведем одно из сформулированных им научных положений, свидетельствующих о его оценке состояния науки и практики правотолкования: «Юридическая герменевтика, т. е. наука и искусство толкования юридических

терминов и понятий, есть своего рода вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности. Именно поэтому одним из самых надежных показателей высококачественной работы юриста-профессионала является такой уровень профессиональной подготовки, который позволяет ему «с ходу» полно и точно толковать какие угодно законы, иные правовые акты» [2, с.130]. Автор настоящей статьи, возможно, потому что он по натуре пессимист, не склонен к таким высоким оценкам и юридической герменевтики, и профессиональной подготовки юристов, и их способности толковать акты законодательства, особенно «с ходу», полно и точно. А сведение С. С. Алексеевым юридической герменевтики к толкованию юридических терминов и понятий вызывает недоумение.

Наши оценки таковы, что к настоящему времени разработаны только отдельные проблемы учения о толкования актов законодательства, которые могут быть использованы при разработке такого учения, а само учение о толковании еще необходимо создать.

Логико-теоретические основы учения о толковании актов законодательства создал Е. В. Васьковский. Но эти основы ожидала весьма странная судьба. С одной стороны, они получили оценку как лучшая книга по проблемам правотолкования. Такую оценку дал С. И. Вильнянский в 1948 г. [4, с. 45], а еще через 50 лет – В. А. Белов [5, с. 12]. С другой стороны, Е. В. Васьковский все-таки создал не учение о толковании, а только его логико-теоретические основы. Поэтому нужна была дискуссия, в какой-то части нужна была критическая оценка, в существенной части научные положения, сформулированные Е. В. Васьковским, нуждались в развитии, с течением времени они нуждались в обновлении с учетом изменений в правовой системе. Но ничего этого не было. Так, созданные Е. В. Васьковским основы учения о правотолковании не были доведены до уровня учения о толковании актов законодательства.

Поэтому учение о правотолковании в высших юридических учебных заведениях не изучается (кроме его отдельных фрагментов). Навыками правотолкования не владеет никто – ни ученые, ни практикующие юристы. Господствует интуитивное, иррациональное, ассоциативное толкование. Немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кетц назвали его применительно к германским государствам позднего средневековья органолептическим [6, с.207]. В лучшем случае юристы стремятся овладеть искусством толкования, не освоив (впрочем, не существующую) науку правотолкования. Но и идея овладения искусством правотолкования была доведена до абсурда – судья Конституционного Суда Украины, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины С. В. Шевчук эпиграфом к своей монографии о судебном правотворчестве взял слова выдающегося музыканта-дирижера Ю. Темирканова: «Музыка таится не в черных значках, испещряющих партитуру, а в пространстве между ними» [7, с. V]. То есть судья и ученый рекомендует читать закон «между строк». А в другой своей работе он написал, что положения Конституции – это пустые сосуды, которые подлежат заполнению судебной практикой [8, с. 7]. Конечно, тут велика доля образности, метафоры. Но через метафоры автор озвучивает свои научные идеи.

С. С. Алексеев рекомендует младшим коллегам использовать при толковании п. 3 ст. 401 ГК формально-логический прием «преобразования предложения».

Трудную для понимания формулировку положения предложения первого указанного пункта («лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет...») С. С. Алексеев преобразовал таким образом: «Если установлен факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, то нарушитель-предприниматель для того, чтобы освободиться от ответственности, обязан доказать...» [2, с. 134]. Мимо внимания уважаемого профессора, у которого автор этих строк учился всю жизнь и продолжает учиться, прошло то обстоятельство, что в трудноинтерпретируемом тексте положения предложения первого п. 3 ст. 401 ГК закреплена материально-правовая норма, а в результате «преобразования предложения» получилась норма процессуальная. Можно было обратить внимание на такое преобразование, но в первую очередь внимание ученого-юриста, толкующего нормативное положение, должно привлечь то обстоятельство, что в этом положении текстуально закреплена норма материального (гражданского) права и логически закреплена норма гражданского процессуального права. Последняя обнаруживается при помощи вывода от последующего правового явления (ответственности) к предыдущему (обязанности доказывать, что нарушение обязательства явилось следствием непреодолимой силы).

Опытнейший и добросовестнейший в науке профессор М. Г. Розенберг сделал вывод «*a contrariio*» из положения п. 5 ст. 453 ГК, указал, что допустимость такого вывода не вызывает сомнений, но решать вопрос о соотношении обнаруженной таким образом правовой нормы с другими нормами не стал: добросовестный ученый не стал писать о том, что он надлежаще не осмыслил [9, с. 742].

Поэтому лучше было бы констатировать наличие проблемы, а не говорить о мифических профессионалах, которые легко интерпретируют какие угодно нормативные положения.

Остановимся на отдельных проблемах правотолкования, которые необходимо решить, в том числе и путем проведения научных дискуссий, для завершения разработки новейшего учения о толковании актов законодательства, пригодного для изучения в высших юридических учебных заведениях и такого, которое может быть научной основой правотолкования и правоприменения.

Идея интегрального правопонимания, которая пришла к нам из США, должна быть признана перспективной и нуждающейся в конкретизации. Необходимо искать ответы на вопросы, когда и какое правопонимание должно быть использовано при правотолковании и при разрешении коллизий в законодательстве. Поскольку ставятся вопросы «когда» и «какое», то синтетическое правопонимание должно быть признано неприемлемым, а интегральное правопонимание с выделением отдельных его видов может быть в высшей мере конструктивным. Следует заметить, что у автора есть свое понимание как этой, так и других очерчиваемых тут проблем. А постановку здесь проблем следует понимать не как «раздачу нарядов», выполнение которых не будет оплачено, а как приглашение к дискуссии. В основе учения о толковании находится позитивистское правопонимание, а точнее правопонимание конституционное (В. Крусс [10]). Это утверждение основано на положении ст. 120 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым

судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону. Но при правотолковании возможно обращение к естественному праву, к аксиологическому правопониманию (с целью разрешения логически неразрешимых коллизий), к социологическому правопониманию (когда для толкования правового положения необходимо обращение к социальному контексту). Таким образом, основываясь на позитивистском конституционном правопонимании, новейшее учение о правовых актах не исключает в соответствующих случаях обращения к другим видам правопонимания.

С учетом практики Конституционного Суда РФ и на базе научных исследований, проведенных Т. Я. Хабриевой [11], необходимо создать учение о толковании Конституции Российской Федерации, имея ввиду перспективу (хотя бы отдаленную) перехода к прямому применению правовых норм, установленных Конституцией, всеми судами (в том числе и в случаях несоответствия законов Конституции), а также принципов (основных начал), закрепленных в кодифицированных законодательных актах. Необходимо определить, когда же все-таки принципы (основные начала) подлежат применению, и выработать приемлемую позицию по вопросу о дальнейшем сохранении в законодательных актах, конструкции аналогии права. По мнению автора настоящей статьи, особенность принципов (основных начал), в том числе конституционных, заключается в том, что в них содержится не только нормативный регулятор, но и декларация соответствующего субъекта правотворчества о его политических, экономических и социальных намерениях. Отделить декларацию от нормативного регулятора можно только с помощью учета социального контекста. Это – сложная задача. Но и решать ее в сложных случаях должен не судья районного суда, а Конституционный Суд с опорой на науку.

Основополагающие понятия законодательства, права, нормативного положения, правовой нормы, правоотношения, правового регулирования должны быть уточнены в научной дискуссии. Стремление к преодолению позитивизма, как ни странно, проявляющееся и в судейской среде, неправильно определяет направление такого преодоления. Да, у нас господствует законо- (акто-) применение, а двигаться надо в направлении правоприменения. Правоприменение же предполагает скрупулезную работу по построению правовых норм из имеющегося нормативного материала и толкование этих норм с учетом доктрины. Возможно, это будет тем, что Р. Дворкин назвал извлечением доктрины из актов законодательства и судебных решений [12, с.17]. Когда читаешь иные решения судов западноевропейских стран, поражаешься наличием ссылок не только на авторитетные научные издания, но даже и на диссертации.

Молчаливому игнорированию разработанных Е. В. Васьковским положений о логически закрепленных в нормативных актах правовых нормах, которые обнаруживаются при помощи выводов *a contrario*, *a fortiori*, от условий к следствию и наоборот (от последующего правового явления к предыдущему и наоборот), должен быть положен конец. Эти положения Е. В. Васьковского не опровергаются. Но, например, он писал о правовых нормах, которые обнаруживаются при помощи указанных выводов, а С. И. Вильнянский [4, с. 60–61], И. С. Перетерский [13, с.128], В. А. Белов [14, с. 216, 236] пишут о заполнении при помощи таких выводов пробелов в праве. Все-таки необходимо прежде всего в сообществе ученых

договориться о том, следует ли признавать логически закрепленные в положениях актов законодательства правовые нормы, или это – только средство заполнения пробелов. Автор настоящей статьи с последним вариантом согласиться не может. Пробелы заполняются при их наличии, и заполняются они «гражданским законодательством, регулирующим сходные отношения» (п. 1 ст. 6 ГК), нормами, регулирующими сходные отношения (часть 4 ст. 1 ГПК; часть 4 ст. 2 КАС). Поэтому следовало бы согласиться с тем, что логически закрепленные в актах законодательства правовые нормы могут применяться по аналогии, но это не значит, что они не могут применяться прямо. Но ведь такая возможность оспаривалась и оспаривается не аспирантами, не успевшими познать сущность вещей, а учеными, которые по праву считаются ведущими.

Сложившаяся ситуация не может быть признана нормальной, поскольку отсутствует понимание регулятивной роли и особенностей правовых норм, удельный вес которых оценочно составляет около 65 %. Это огромный нормативный массив, который либо вообще игнорируется, а когда такие правовые нормы признаются, то ни ученые ни юристы-практики не знают, как работать с такими правовыми нормами.

К тому же игнорирование такого рода правовых норм опирается на учение о правовой норме, которое в конечном счете исходит из тождественности нормативного положения и правовой нормы при всей игре в образы и метафоры.

Требует нового осмысления комплекс проблем систематического толкования актов законодательства и правовых норм. Есть надежда, что разработка этих проблем предотвратит дальнейшие попытки законодателя, поддерживаемого учеными, придать большую юридическую силу кодифицированным законодательным актам. Эти попытки являются наиболее интенсивными в сфере гражданского права. Разрешение системных коллизий, что является частью систематического толкования, предполагает разрешение на научной основе вопроса об урегулированности/неурегулированности определенных общественных отношений соответствующими правовыми нормами. Например, представляется, что общая правовая норма, запрещающая злоупотребление правом (ст.10 ГК), применяется со специальными нормами гражданского права потому, что последние вопросы злоупотребления не решают. Таким образом, отсутствие в специальной правовой норме разрешения определенного вопроса делает эту норму совместимой с общей правовой нормой, разрешающей этот вопрос.

Правило *lex specialis derogat generali* предполагает понимание критериев, по которым правовые нормы в своем соотношении квалифицируются как общая и специальная. В свое время фундамент для разрешения этой проблемы заложил Н. А. Власенко [15]. Но и сегодня то и дело встречается неразличение коллизий между общей и специальной нормой, с одной стороны, и коллизий между правовыми нормами, сферы действия которых частично совпадают. Рассуждения о том, что в последнем случае одна правовая норма является специальной в одном отношении, а другая – в другом, не имеют каких-либо логических оснований, но встречаются и в судебной практике, и в научной литературе.

Отдельной проблемой систематического толкования стало толкование нормативных положений, содержащих оговорку «если иное не предусмотрено

законом». Таких оговорок особенно много в актах гражданского законодательства. А в п. 1 ст. 168 ГК содержится две оговорки такого рода. Поборником интуитивного подхода к правотолкованию следует предложить разрешить коллизию между п. 1 ст. 308.3 ГК, содержащей оговорку «если иное не вытекает из закона», и ст. 397 ГК, также содержащей аналогичную оговорку. Вопрос состоит в том, может ли применяться п. 1 ст. 308.3 ГК к отношениям, регулируемым ст. 397 ГК.

Наконец, есть ряд периферийных проблем правотолкования. К таковым относится, в частности, проблема теологического толкования. Представляется, что такой прием толкования может быть признан допустимым в случаях, когда не удалось выяснить содержание нормативного положения на предыдущих стадиях толкования. Придавать преимущество цели правового регулирования перед содержанием нормативного положения было бы неправильным, хотя бы цель соответствующего нормативного акта и была текстуально в нем определена.

Удивительно, но факт: критическая оценка актов официального толкования законов и иных актов законодательства высказывалась российскими учеными-юристами еще в начале XX века. Н. М. Коркунов, возражая против аутентичного толкования законов, писал, что «практическое значение этого абсурдного выражения – “законодательного толкования законов” сводится к тому, что иногда, прикрываясь им придают закону обратную силу» [16, с. 347]. Что касается поручений давать толкование нормативно-правовых актов, то таким разъяснениям могут быть восприняты лишь как мнение профессионалов. Да и вообще, даже полноценные нормативно-правовые акты не могут применяться в противоречие с актами высшей юридической силы. Если же нижестоящий государственный орган разъясняет нормативно-правовой акт, изданный высшим государственным органом, то такое разъяснение тем более не может применяться в противоречие с разъясняемым актом.

Казалось бы, всем стала ясна абсолютная неприемлемость официальных разъяснений. Но ведущие ученые, начиная от С. С. Алексеева [2, с. 141], пропагандируют такие разъяснения.

Разъяснения по вопросам судебной практики, которые дает Верховный Суд РФ на основании ст. 126 Конституции, не определяются в этой статье как обязательные. Нет такого указания и в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде Российской Федерации». Но даваемые Верховным Судом разъяснения приобретают обязательный характер вследствие того, что в соответствии с п. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» разъяснения Верховным Судом (Пленумом Верховного Суда) даются в целях обеспечения единообразного применения законодательства. В этих законодательных положениях логически закреплена правовая норма, требующая от всех судов придерживаться или обеспечивать единообразное применение законодательства.

Удивительно живучей оказалась и идея расширительного и ограничительного толкования актов законодательства. Критерии расширительного и ограничительного толкования никогда не разрабатывались, если не считать таковым обнаружение, что действительное содержание юридических норм шире или уже,

чем буквальное значение слов [2, с. 138]. Как можно узнать о действительном содержании юридической нормы, помимо текста толкуемого нормативного положения, – об этом С. С. Алексеев не пишет. Не пишут и другие многочисленные представители юридической науки, хотя о расширительном и ограничительном толковании пишут почти все, что касается этой проблемы.

Наконец, следует остановиться еще на одной инфекции, которая проникла в юридическую науку, судебную практику и даже дошла до Европейского Суда по правам человека. Это учет при правотолковании внешних источников – подготовительных материалов к законопроектам, стенограмм заседаний парламента, на которых обсуждался законопроект, нормативных источников, не способных по правилам толкования повлиять на его результаты, внешних официальных источников, не имеющих силы нормативных актов (Всеобщей декларации прав человека, Декларации прав ребенка), и т. п. Как-то надо было бы в научной среде договориться о том, что право должно быть очищено от посторонних источников, не в духе Г. Кельзена, а по существу. Но наука права к посторонним источникам не должна быть отнесена, ибо право – это система правовых норм вместе с правовой доктриной.

Тут конспективно изложена проблематика, требующая научной дискуссии. Возможно, эту дискуссию удастся активизировать после конференции по проблемам правотолкования и правоприменения, которая будет организована кафедрой гражданского и трудового права Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского и проведена в сентябре 2017 г. Возможно, дискуссию вызовет книга «Новейшее учение о толковании актов законодательства», которая должна быть издана до конца 2017 г. Есть надежда, что эта книга будет рекомендована в качестве учебника для студентов юридических учебных заведений. И только через молодое поколение юристов можно будет обеспечить внедрение новейшего учения о толковании актов законодательства в практику правоприменения, в том числе судебную.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
3. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
4. Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / Методические материалы ВЮЗИ. – М., 1948. – С. 42–61.
5. Белов В. А. «...Выдающийся русский юрист...» / Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 5–41.
6. Цвайгерт К., Х. Кетц. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. Основы. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
7. Шевчук С. В. Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні. – К.: Реферат, 2007. – 640 с.
8. Шевчук С. В. Основи конституційної юриспруденції. – Х.: Консум, 2002. – 296 с.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / Под ред. О. Н. Садикова. – М.: Контракт; Инфра-М, 1997. – 778 с.
10. Красс В. Конституционное правоприменение // Право України. – 2010. – № 4. – С. 170–175.

11. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. Дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 1997. – 369 с.
12. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, –2004. –392 с.
13. Перетерский И. С. Толкование международных договоров. – М.: Гююриздат, 1959. – 172 с.
14. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
15. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск: Изд. Иркутского университета, 1984. – 100 с.
16. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1909. – 290 с.

Rotan V. G. About the prospects of development, study and introduction in judicial practice of studies about interpretation of acts of legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – P. 203–210.

The author points out that the interpretation of the law for the time being represents mainly the interpretation of legal norms and is in the associative, irrational and organoleptic nature. This type of the interpretation of the law has no historical perspective. As a result it is necessary to provide a transition to the interpretation of the law that will have a scientific basis.

Logical-legal foundation of this doctrine was created at the turn of the XIX-XX centuries by E. V. Vaskovskiy. However, his ideas have not been developed for a century, as for the doctrine of the interpretation of the law, suitable for practical use it is not established to the date.

Also this article outlines the areas of research with the aim to create the modern theory of the interpretation of the law.

Keywords: Interpretation of law, understanding of law, textually fixed norms, logically fixed norms, general norm, special norm.

Spisok literatury:

1. Alekseev S. S. Obschaya teoriya prava. V 2 t. T.II. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
2. Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyit kompleksnogo issledovaniya. – М.: Statut, 1999. – 712 s.
3. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – М.: Tsentr YurInfoR, 2002. – 508 s.
4. Vilnyanskiy S.I. Tolkovanie i primenenie grazhdansko-pravovyih norm / Metodicheskie materialy VYuZL. – М., 1948. – S. 42–61.
5. Belov V.A. «...Vyidayushchiysya russkiy yurist...» / Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – М.: Tsentr YurInfoR, 2002. – S. 5-41.
6. Tsvaygert K., H. Ketts. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2 t. T.1. Osnovy. – М.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1998. – 480 s.
7. Shevchuk S. V. Sudova pravotvorchiIst: svItoviy dosvid I perspektivi v UkraYini. – K.: Referat, 2007. – 640 s.
8. Shevchuk S.V. Osnovi konstitutsiynoYi yurisprudentsiYi. – H.: Konsum, 2002. – 296 s.
9. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti pervoy (postateyniy) / Pod red. O.N. Sadikova. – М.: Kontrakt; Infra-M, 1997. – 778 s.
10. Kruss V. Konstitutsionnoe pravoprimeneniye // Pravo UkraYini. – 2010. – №4. – S.170–175.
11. Habrieva T.Ya. Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika. Diss. ... doktora yurid. nauk. – М., 1997. – 369 s.
12. Dvorkin R. O pravah vserez. – М.: ROSSPEN, –2004. –392 s.
13. Pereterskiy I.S. Tolkovanie mezhdunarodnyih dogovorov. – М.: Goyurizdat, 1959. – 172 s.
14. Belov V.A. Grazhdanskoie pravo. Obschaya chast. T.1. Vvedenie v grazhdanskoie pravo: uchebnik. – М.: Yurayt, 2011. – 521 s.
15. Vlasenko N.A. Kollizionnyie normy v sovetskom prave. – Irkutsk: Izd. Irkutskogo universiteta, 1984. – 100 s.
16. Korkunov N. M. Lektsii po obschey teorii prava. – SPb., 1909. – 290 s..